

Римма
КАЗАКОВА

И НЕ БУДЕТ?

У Литературного фонда есть промкомбинат. Писатели там шили одежду, переплетали книги, покупали бумагу. В общем, снабжались. Тем, что необходимо для творчества и для быта.

Заехала в любимое литфондовское ателье. «Бумага есть?» — «...И не будет!» — сказали мне.

В магазине «Кодры», расположенном неподалеку от моего дома, когда-то было много овощей, фруктов, колбас, коньяков. Зашла туда недавно. В отделе, который ломился в недавнем прошлом от разных видов колбасной продукции, висит выразительное объявление: «Колбасы нет и не будет».

ЧЕГО еще не будет? К тому, что уже почти ничего нет, привыкли. А вот «не будет» — это уже, мягко выражаясь, грустно. Уменьшечки сограждане, как белки, как ёжики и как еще кто-то из мира животных, запасли на зиму, что могли. Сознание: у меня в кухонном шкафу гречка, рис, вермишель, геркулес — согревает. Но масла нет, мяса нет, сахара в обрез, а то и тоже нет. Фрукты и овощи — для миллионеров и иностранцев. Скоро, наверное, магазины будут завалены плесневеющей колбасой, ибо кто же станет покупать колбасу ценою, как теперь в народе говорят, в «один пенс»? В одну пенсию то есть.

Есть не будем. Приватизировать жилье тоже, наверное, не будем. Во-первых, власти всё спорят, как осуществлять эту приватизацию. Во-вторых, откуда деньги на нее взять? Зуд приватизации — как пресловутый СПИД. Любить хочется, болеть не хочется. Опасное дело — приватизация квартиры при постоянной иммунной недостаточности денег. Приятно владеть своим. Но вот, скажем, писатели и ученые при Советской власти имели льготы от государства: плюс двадцать метров к норме занимаемой квартирной площади. Теперь этой льготы нет. А денег у писателей и ученых, если брать не отдельных выдающихся, а основную массу, тоже нет. Что же будет? Дадут суду? Уплотнят? На мороз босиком выгонят? Не знаю. И они, наши руководители, по-моему, не знают. И ученые. Даже хваленая Корягина... Но жизнь руководителей идет по своим руководящим законам. Станкевич укрепляет дружбу с Мексикой. Попов выясняет отношения с Моссоветом. Горбачев с нежной неуверенностью тихим голосом сорвавшего связи человека говорит о сохранении Союза. Каждый при деле.

И стоит торжественно светящийся ночными окнами наш демократический «Белый дом». Такой спокойный, достойный, как будто мы — самая процветающая держава. Вокруг машины, хлопают дверцы отъезжающих и

приезжающих. Подвезла я к «Белому дому» знакомого: его жена работает секретарем у какого-то Секретаря. Она ему талон дала в магазин «Лейпциг» для покупки дефицитных товаров. Купил ботинки «Саламандра» и меховый шарф. А на Тверской магазин «Диор», где продают мои любимые духи, но попасть я в

Суетные заметки поэта, которого пока не требует «к священной жертве» Аполлон

него не могу: пропускают тоже по каким-то талонам «прикрепленных». Наш нарождающийся капитализм прихватил с собой блат застойного периода и его распределительные привычки.

ЧТО за жизнь у нас! Ходишь по городу, гремя бутылками, таскаешь их с собой, без бутылки не то что вино, а и простую водичку тебе не продадут. Ждешь, когда «отпустят» цены, хотя от них и так глаза на лоб лезут. Размышляешь, почему бы тебе не приватизировать какой-нибудь магазин. Но у тебя нет первоначального капитала. А откуда он у того, кому, хлопая в ладоши и вознося до небес за торговую расторопность и предпринимательскую жилку, вручают в пользование лавку лезущая Лариса Пишшева?

Зарулишь на базар, где по карману тебе лишь пучок зелени да, может быть, квашеная капуста. А вообще говоря, сейчас пост. Можно воздержаться почти от всего.

Средства массовой информации уже почти ничего не комментируют. Просто излагают. Хотя бы кто возмущился, в какой-никакой, а колокольчик стукнул!

Возмущается разве что Невзоров, да куда-то не в ту сторону. Или господин Жириновский. Он, конечно, фигура одиозная, хотя даже и подкупает своей непосредственностью. Недавно по радио брали у него интервью о его «хобби». Так он, оказывается, животных любит. Собак, го-

лубей, кроликов... Голубей и собак не так, а вот кроликов — даже в детстве их разводил. Сам им травку рвал. Обоим кроликам, маме на стол тушку килограмма эдак на два положишь — хорошо-то как!»

Жириновский говорит, что при отсутствии товаров цены лучше заморозить, чем отпустить. Невзоров уже пророчит, и не стараясь быть элегичным в выражениях, как Собчака будут «по подвалам разыскивать». Демократам, так сказать, скоро крышка будет.

Меня-то не собьешь ни на тоску по прошлому, ни на размышления, а не было ли чего-то правильного в действиях ГКЧП. Это

и Брежнев — смешной... Сейчас ведь даже перестройку поливают со страшной силой. А во время перестройки возникли маленькие кооперативные кафе, где за пятерку можно было прекрасно пообедать. Перестройка кончилась, если она вообще была, как считают некоторые. И в писательском ресторане ЦДЛ на обед можно заказать блюдо ценою за сорок. А самое дешевое? Таких просто нет.

Я написала шуточное стихотворение, собираясь на какой-то литературный вечер. Просто чтобы что-то смешное почитать на закуску. Да ведь в каждой шутке есть доля правды, это уж истинно!

...Ах, какое было время!
Помнят други и враги.
Ах, какое было время!
Еще были утюги.

Был и сахар — завалился! —
и вареньем заварился...
Всё подряд критиковали,
а была такая жизнь!

Правда, жили мы потрясно.
Нас любил родной Союз.
И бесплатно лоботряса
вся страна тащила в вуз.

Ах, какое время было!
А теперь совсем не то.
Хорошо, что я купила
с чернобуркою пальто.

Раньше стоило копеек,
а теперь наоборот.
А теперь всё до копеек
на питание идет...

То-то! Зря не дорожили.
Уповали «на потом».
...Ну да ладно.

Всё ж пожили
в социализме развитом!

От развитого социализма до развитого капитализма, видимо, бездна. И через эту бездну лежит дорога нашей жизни. Конечно, тут бы вставить несколько слов, что не все так плохо. И мы, как тот колобок, от Сталина ушли, от застоя ушли, из перестройки высочили... Что-то ведь и приобрели. И обратной дороги нет. Обратная дорога отбросит туда, откуда начинать опять то же самое. Так что — вперед! Поскачем к рынку, победим к новой жизни, о которой не только рядовой человек, но, похоже, как я уже замечала, и многие наши руководящие умы имеют весьма смутное представление.

Добежим ли? «Колбасы нет и не будет»...

Черт с ней, с колбасой. А если не будет самой жизни? Жить под наглым приговором «...и не будет!» невозможно.

пусть наши биржевики из одного горшка в другой переливают. Мне всё ясно в вопросе, от чего надо уйти навсегда. Но боюсь за огромные массы людей, которые не занимаются политикой, а судят обо всем с позиций ножа и вилки. И как бы они, не дожидаясь, пока шоковая терапия достанет и доконает их окончательно, не вышли на улицу, протыкая этими вилками и ножами всё подряд, что на глаза попадет.

Тоскливое время, непонятное. Неужели надо было выбрать путь к рынку через джунгли крайней нищеты и беды для миллионов? Неужели это свобода, если столько ограничителей стоят слева и справа, сзади и спереди? Свобода не иметь?.. Неужели наши певцы будут петь теперь исключительно по-английски, желая понравиться иноземному спонсорю и заработать валюту? Неужели надо ликовать, держа в руках французскую банку с сухим молоком и надписью на русском языке: «Помощь СССР»? Гуманитарная. То есть человеколюбивая. Человеколюбие не предполагает унижения. Неужели мы так никогда и не начнем работать, производить, чтобы есть свою картошку, свои помидоры, свой хлеб, носить свою обувь, свои платья и брюки? Неужели...

И ТУТ возникает не то что бы ностальгия по прошлому, хотя один маленький мальчик сказал: «Раньше лучше было. Всё в магазинах продавали,